

КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА
Том 13 ● Номер 12 ● декабрь 2019
ISSN 1994-6929
Journal of Creative Economy
издательство КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА

От умного города к городу справедливому: проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики

Молчанова В.А. [1]

[1] Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук, Сочи, Россия

АННОТАЦИЯ:

В статье предлагается критически-полемический анализ концептуальных, социальных и стратегических аспектов проектов создания умных городов. Поставлена проблема связи между целями устойчивого развития и проектами умного города. Заострено внимание на социальных проблемах, риске усугубления социального неравенства в цифровой экономике. В качестве рекомендаций предлагается сопряжение проектов умного города и мероприятий социального характера, выстраиваемых на основе политики и методологии справедливого города, нацеленной на более полный охват интересов непривилегированных групп населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: умный город, цифровая экономика, устойчивое развитие, социальная справедливость, справедливый город.

From a smart city to a just city: the challenges of sustainable development in digital economy

Molchanova V.A. [1]

[1] Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Введение

Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает комплекс мероприятий по созданию умного города – урбанизированной среды обитания, где на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) открываются новые возможности повышения эффективности использования городских ресурсов. Проекты умного города сопрягают цифровую трансформацию городского хозяйства и муниципальных услуг с коммуникациями властей, бизнеса и горожан через цифровые платформы, сеть Интернет и мобильную связь.

Ускоренное внедрение цифровых технологий отнесено к национальным целям, позволяющим осуществить прорывное научно-техническое и социально-экономическое развитие страны, согласно Указу Президента РФ от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегиче-

ских задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и «Основным направлениям деятельности Правительства РФ на период до 2024 года». Наибольший эффект реализации в настоящее время ожидается от проектов в сфере государственного управления, включая оказание госуслуг и государственные финансы [11, с.7-8].

К 2024 году в России должно появиться множество умных городов. В реализации проекта «Умный город» принимают участие все субъекты Российской Федерации и города с численностью населения свыше 100 тысяч человек, а также все административные центры [4].

Концепция умного города – Smart City – институционализируется на глобальном уровне. Разработаны стандарты умных городов [5, с. 33-34] *(Namiot, Shneps-Shneppe, 2016)*, созданы международные ассоциации, такие как Smart Cities Council, Smart Cities Association, ежегодно рассчитываются международные рейтинги, например, IMD Smart City Index 2019, по которому Москва заняла 72-е, а Санкт-Петербург – 73-е место в мире [38, с.137, с.187] *(Young, 2011)*.

В первой сотне рейтингов умных городов пока присутствуют только крупнейшие российские города, финансово состоятельные и инвестиционно привлекательные. В чем-то они отстают от многих мировых столиц, например, по участию жителей в городском самоуправлении [38, с. 137-138] *(Young, 2011)*, но в чем-то их опережают. Так, Москва получила первое место в рейтинге ООН 2018 г. по индексу оказания электронных услуг населению [14]. По данным исследования McKinsey, Москва, наряду с Нью-Йорком, Сингапуром, Сеулом, Гонконгом, входит в группу городов, в которых доля населения, пользующегося умными решениями, составляет 30–40%, а коэффициент использования самых популярных умных технологий – 70–80%. [33, с. 13].

ABSTRACT:

The paper advances a critical-polemical analysis of the conceptual, social and strategic aspects of the programs that aim to develop smart cities. We draw attention to the problem of the absence of a necessary link between technological and social components of urban modernization and the risk of deepening of social inequalities because of realization of the corresponding programs of development. The article recommends a better correlation of the smart city programs of development and robust social measures conceived on the basis of the just city politics and methodology that better accounts for the interests of the city inhabitants, including the underprivileged strata of the population.

KEYWORDS: smart city, digital economy, sustainable development, social justice, just city

JEL Classification: A13, L86, O18, R13, R58, Z13

Received: 15.11.2019 / Published: 28.12.2019

© Author(s) / Publication: CREATIVE ECONOMY Publishers
For correspondence: Molchanova V.A. (veramolchan@mail.ru)

CITATION:

Molchanova V.A. (2019) Ot umnogo goroda k gorodu spravedlivomu: problemy ustoychivogo razvitiya v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [From a smart city to a just city: the challenges of sustainable development in digital economy]. Kreativnaya ekonomika. 13. (12). – 2371-2386. doi: 10.18334/ce.13.12.41379

Некоторые технологически развитые города, такие как Казань, Новосибирск, Екатеринбург, уже сформировали условия, необходимые для цифровизации городских сервисов; но подавляющее большинство российских муниципалитетов сталкиваются с барьерами кадрового, финансового, технологического дефицитов. Текущее состояние региональных программ и проектов в сфере цифровой экономики таково, что в 45 субъектах РФ к середине 2019 г. процесс разработки еще не начат [11, с. 5]. Масштабность вовлечения муниципальных образований в дорогостоящие и технически сложные проекты вызывает необходимость внимательного анализа стратегических перспектив создания российских умных городов.

Концепция умного города: теоретические истоки и развитие

Концепция умного города (УГ) восходит к «новому публичному управлению» и идеям «предпринимательского города» [27] *(Hall, Hubbard, 1998)*. Суть нового публичного управления (new public management) – в приватизации государственных функций, которая принимает разные формы: от перевода целых секторов экономики на рыночные рельсы до аутсорсинга муниципальных услуг частным фирмам и замены бюджетных расходов на расходы по контракту [31] *(Lane, 2000)*. Предполагается, что частный сектор более эффективен, чем муниципальные предприятия. Государственные институты переопределяются в качестве «рыночного участника агентских отношений» [13, с. 180] *(Tyutin, 2014)* и начинают действовать согласно логике рынка.

Концепция УГ первоначально также аппелировала к повышению эффективности управления городом [12, с. 5], эффективному использованию энергии и других ресурсов [37, с. 111] *(Yoshikawa, Sato, Hirasawa, Takahashi, Yamamoto, 2012)*, снижению преступности, сокращению аварийности на дорогах за счет повсеместной установки камер слежения. Умный город характеризовался как технологический продукт, повышающий конкурентоспособность [3] *(Makarov, Mokhov, 2017)*, в котором ИКТ автоматизируют работу с большими массивами данных, берут на себя мониторинг, учет и контроль процессов и объектов, способствуя тем самым улучшению управляемости городским хозяйством.

По мере создания умной инфраструктуры цели проектов УГ изменились с технико-экономических до социально-политических. Во многом этому способствовали результаты опросов общественного мнения, проводимые в различных странах, ведь

ОБ АВТОРЕ:

Молчанова Вера Александровна, старший научный сотрудник лаборатории «Экономика и управление туристско-рекреационными кластерами», кандидат экономических наук (veramolchan@mail.ru)

ЦИТИРОВАТЬ СТАТЬЮ:

Молчанова В.А. От умного города к городу справедливому: проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики // Креативная экономика. – 2019. – Том 13. – № 12. – С. 2371-2386. doi: 10.18334/ce.13.12.41379

расходование бюджетных средств – денег налогоплательщиков – должно приносить пользу народу. Но на первом этапе создания УГ (поколение Smart City 1.0) слишком очевидно было, что выгодоприобретателями являются не горожане, а транснациональные ИТ-корпорации и государственный аппарат. Представители школы критического урбанизма доказывали, что неокорпоративные, движимые идеей прибыли планы развития городов приводят к прогрессирующей коммодификации городской среды [21] *(Brenner, Marcuse, Mayer, 2012)*. Шквал критики со стороны общественности и научных кругов [29] *(Hollands, 2015)* привел к пересмотру подходов к инициативам цифровой трансформации городских сервисов. В международных рейтингах УГ одним из критериев оценки стали результаты опросов горожан о главных проблемах, которые их заботят *(рис. 1)*, и насколько умный город помогает их решать.

На втором этапе (поколение Smart City 2.0) проекты УГ были перенацелены на решение актуальных проблем местного населения. Европейский Союз принимает определение, что умный город – город, стремящийся решать общественные проблемы через ИКТ-решения на основе партнерства муниципалитетов и многих заинтересованных сторон [32, с. 19]. Стратегии и инициативы УГ, по решению Европарламента, должны включать как минимум одну из следующих целей: «Умное управление», «Умные люди», «Умная жизнь», «Умная мобильность», «Умная экономика» и «Умная среда».

УГ третьего поколения (Smart City 3.0) разработчики представляют как систему систем, как цифровой двойник города. Умные системы проектируются со способностью когнитивного распознания для того, чтобы автономно функционировать и

Рисунок 1. Результаты опроса жителей Санкт-Петербурга о главных проблемах города
Источник: Smart City Index 2019, с. 187.

Таблица 1

Стратегическое «видение» умных городов

Технологическое	Город инновационного развития ИКТ в целях создания более инклюзивной, устойчивой и плюралистичной городской среды Город, использующий ИКТ для дебюрократизации и нахождения новых решений вопросов городского управления с целью укрепления устойчивого развития
Социально-политическое	Город с особым типом отношений между администрацией и горожанами на основе широкого использования новых каналов общения и взаимодействия. Город, эффективно применяющий прогрессивные подходы к управлению экономикой, людьми, администрацией, транспортом, физической средой и проживанием, опирающийся на умное использование ресурсов и деятельность самостоятельных, независимых и осведомленных граждан
Интегральное	Город, объединяющий физическую и социальную инфраструктуру, ИКТ и инфраструктуру бизнеса для мобилизации интеллектуальных ресурсов Город, в котором инвестиции в человеческий и социальный капитал, традиционные и современные инфраструктуры коммуникаций стимулируют устойчивый рост экономики и высокое качество жизни на основе разумного распоряжения природными ресурсами и широкого участия горожан в управлении Город высоких показателей и новаторских подходов к реализации шести «умных характеристик» развития: умной экономики, умного транспорта, умной среды, умных людей, умного проживания и умного управления.

Источник: авторская разработка на основе [24] (De Santis, Fasano, Mignolli, Villa, 2014).

адаптироваться к меняющейся среде. Их процессуальные блоки опосредуются взаимодействием с базой знаний. Эти системы самоуправляемы. Они обладают набором обращенных на самих себя качеств: самоподдержки, самозащиты, самоорганизации, самокоррекции, самоконфигурации и самосознания. В перспективе умный город может быть управляем искусственным интеллектом.

Как считают эксперты, создание умных устойчивых городов возможно на этом этапе, Smart City 3.0. «К задачам социального вовлечения, обеспечения равного доступа к технологиям, а также экономии бюджета и защиты окружающей среды обращается следующее поколение умных устойчивых городов. Горожане активно участвуют в местных проектах – делятся мнениями, дополняют данные городских служб» [12, с. 16].

Современная концепция умного города видит в новых технологиях ресурс для изменений общественных институтов, роста человеческого и социального капитала. Идеи о том, каким должен быть город будущего, выражены в определениях «умного города» *(табл. 1)*.

Социальные перспективы умных городов в контексте устойчивого развития

Будут ли проекты российских умных городов вносить свой вклад в достижение Целей устойчивого развития (ЦУР), прежде всего, цели 11 – «Обеспечение открыто-

сти, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населенных пунктов»? Установленные Европейской комиссией ключевые индикаторы умного города «работают» на достижение ЦУР – улучшение качества жизни людей; рост эффективности использования ресурсов и снижение нагрузки на окружающую среду; строительство зеленой и инновационной экономики; поощрение местного самоуправления [20, с. 7].

Умный устойчивый город, по определению Международного союза электросвязи ООН, это инновационный город, использующий информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и другие средства для повышения уровня жизни, эффективности деятельности и услуг в городах, а также конкурентоспособности при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономических, социальных, культурных и природоохранных аспектах [7, с. 3].

Москва присоединилась к инициативе ООН «Вместе за умные устойчивые города» (United for Smart Sustainable Cities, U4SSC), в 2018 г. прошла оценку по ключевым показателям эффективности для умных устойчивых городов [8] и получила сертификат U4SSC.

Стратегической целью устойчивого развития РФ является повышение уровня и качества жизни населения на основе научно-технического прогресса, динамичного развития экономики и социальной сферы при сохранении воспроизводственного потенциала природного комплекса страны как части биосферы Земли [6]. Исходя из принятого политического курса, цели устойчивого развития должны являться интегрирующими, «зонтичными» целями для умных городов. Тем более, что такой приоритет заложен в Градостроительном Кодексе РФ, статья 1, пункт 3: «обеспечение при осуществлении градостроительной деятельности безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений» [1].

То есть желательно, чтобы переход к цифровой экономике способствовал достижению целей устойчивого развития, принятых ООН и Россией на 2016–2030 годы. Прежде всего, по тем параметрам, по которым РФ отстает от развитых стран мира, – это ликвидация нищеты, улучшение здоровья и продолжительности жизни, рост среднедушевого дохода и инвестиций в человеческий капитал, сокращение неравенства [18, с. 7, 11, 21].

Однако существуют тревожные тенденции не сокращения, а углубления социальных противоречий при переходе к современной информационной экономике. В Китае «агрессивный запуск возглавляемой государством, ориентированной на рынок, технологической «цифровой революции» происходит в контексте регрессивного развития в социальном домене» [39, с. 93] *(Zhao, 2007)*. Статистические тренды в Финляндии дают основания утверждать, что «возможности социального равенства при работе с информацией ограничены гораздо больше, чем при переходе от аграрного к индустриаль-

ному производству» [19, с. 333] *(Blom, Melin, Pyöriä, 2002)*. Анализ «информационного капитализма» показывает, что новый виток развития, основанного на ИКТ, не приводит к сокращению разрыва в богатстве и доходах между общественными классами, наоборот, этот диспаритет увеличивается в результате так называемого «цифрового разрыва» [35, с. 41] *(Parayil, 2005)*, – неравных возможностей доступа бедных и богатых к услугам и благам ИКТ.

Умные города невозможны без массового пользования интернетом и мобильной связью. И то, и другое зависит от имущественных и социально-демографических характеристик населения. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за второй квартал 2019 г., доля российских семей, чьих финансовых ресурсов хватает только на покупку еды и одежды, а на товары длительного пользования уже не хватает, увеличилась до 49,4%. У 14,1% домохозяйств денег хватает только на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги им затруднительно. И только 2,7% населения имеют достаточно средств, чтобы купить всё, что нужно [16]. Следует задуматься, почему жильцы не торопятся устанавливать умные счетчики, «несмотря на очевидное удобство, использование и внедрение подобных технологий не пользуется широкой популярностью среди населения» [10, с. 872-873] *(Sokolova, Borisova, 2016)*.

Интернетом практически не пользуется 24% городского и 34% сельского населения страны; ежедневное пользование колеблется между 51% для села и 64% для города. Каждый десятый из неподключенных россиян не обращался к Интернету из-за высокой стоимости подключения. Пользование интернетом в возрастных группах 50–70 лет в 2–3 раза ниже, чем в группе 25–29-летних [17].

Имеющиеся исследования показывают, что цифровизация нередко проходит мимо непривилегированных слоев населения даже в относительно богатых и благополучных странах. В США 25% горожан и 31% жителей сел не имеют никакого доступа к интернету [23] *(Carlson, Goss, 2016)*. Даже успешные проекты по оживлению запущенной городской среды могут вести к прямому вытеснению менее обеспеченных групп [22] *(Cardullo, Kitchin, Di Feliciantonio, 2018)*.

В то время как умный город помогает богатым, мобильным, творческим бизнесменам, используя корпоративные информационные порталы и услуги, не говоря уже о глобальных деловых связях, он одновременно игнорирует потребности в благосостоянии своих бедных жителей. Гражданам с низкими доходами, не имеющим смартфона, компьютера, не умеющим пользоваться электронными гаджетами, сложно войти в интеллектуальные сообщества «умных людей».

Для непривилегированных слоев населения гораздо важнее иные приоритеты: улучшение жилищных условий, уровень доходов семьи. При этом доступность жилья, обеспеченность жилой площадью на уровне принятых в развитых странах норм и стандартов, качество жилищного фонда и коммунальных услуг – насущная проблема практически для всех российских городов. Так же, как и состояние дорог, коммуналь-

Таблица 2

Состояние коммунальной сферы некоторых пилотных муниципальных образований, где будут внедряться проекты умного города

Город	Доля получивших жилье от общего числа очередников за год (%)	Потребность в замене водопровода (м) / Заменено за год (м)	Доля автодорог, не отвечающих нормативным требованиям (%)	Потребность в замене канализации (м) / Заменено за год (м)	Потребность в замене теплосетей (м) / Заменено за год (м)
Белгород	5,22	273670/ 1050	23,3	98700/ 30	96300/ 7500
Воронеж	0,28	529050/ 5170	69,42	342140/ 4980	214860/ 15060
Иркутск	1,6	472570/ 4800	55,8	408200/ 690	4550/ 8740
Липецк	1,5	370830/ 960	38,5	142020/ 0	458610/ 3750
Нижний Новгород	0,49	548690/ 8570	20,8	307780/ 2680	694790/ 32400
Ростов-на-Дону	4,1	600700/ 7100	44,93	270000/ 4800	67180/ 11140
Самара	0,7	1084300/ 1250	38,42	1064400/ 1000	532548/ 26540

Источник: Росстат [13] *(Tyutin, 2014).*

ных инженерных сетей. И решение этих проблем, судя по статистике, идет крайне низкими темпами *(табл. 2)*.

Смогут ли российские города, подобно Москве, которая планирует в ближайшие 15 лет переселить 1000000 москвичей в новые квартиры [8, с. 18] с новейшей инфраструктурой ИКТ для 5G, так же успешно обеспечить доступное жилье в соответствии с целью № 11 устойчивого развития городов? Или смарт-инициативы, которые планируются для всех населенных пунктов РФ численностью выше 100 тыс. человек [4] отвлекут значительные бюджетные средства от труднорешаемых проблем городского хозяйства, и тогда продолжится отток населения из экономически неблагополучных городов и регионов в Москву?

Учитывая, что для экономики России характерно региональное неравенство, и «средние доходы самого бедного в федеральном округе населения (т.е. населения, принадлежащего к первой 20%-ной доходной группе в бедном регионе) и самого богатого (принадлежащего к пятой 20%-ной доходной группе в богатом регионе) различаются в среднем в двадцать раз» [2, с. 64] *(Grigorev, Pavlyushina, 2017)*, следует продумать, как проекты умных городов нацелить на повышение уровня жизни беднейших слоев общества, чтобы они получили равные возможности доступа к благам цифровой экономики.

Настоящим умным городам придется бороться с экономическим и социальным неравенством и переопределять то, что имеется в виду под умным управлением, умной экономикой и умной жизнью.

Справедливый город как модель развития

Кроме популярной концепции «умного города», существуют и другие модели развития городов в XXI веке. Социально ориентированные программы городского планирования в ряде работ последователей школы критического урбанизма получили название «справедливого» города.

Концепция справедливого города объединяет несколько направлений исследований в области социологии, политэкономии, социальной философии и, собственно, урбанистики. Работающие в этой парадигме ученые и практики определяют справедливость как отсутствие угнетения: эксплуатации, зачастую принимающей форму субсидизации коммерческих интересов за счет интересов трудящихся, маргинализации, бесправия, культурного империализма, насилия [38] *(Young, 2011)*. Исследования справедливого города отрицают претензии корпоративной модели городского развития на универсальность, протестуют против использования городской среды в интересах накопления капитала, анализируют процессы перераспределения реального дохода за счет реконфигураций городской среды и отстаивают право горожан на социально справедливые практики локализации поступающих инвестиций [28]. Принципиальное значение здесь имеет анализ проблем неравномерного развития города, одним из главных проявлений которого является исключение интересов малообеспеченных групп и непрестижных районов.

Критериями справедливого города полагаются такие качества, как демократия, равноправие, культурное многообразие, рост и устойчивое развитие [26, с. 15] *(Fainstein, 2005)*. Основополагающий принцип – это принцип равноправия, согласно которому принимаемые решения не должны доставлять диспропорциональные преимущества и без того привилегированным классам [25, с. 58, 78-80] *(Fainstein, 2010)*. Равноправие предполагает проведение публичной политики по сокращению неравенства возможностей. Ожидаемая от справедливого города социально активная политика нацелена на справедливое распределение ресурсов, развитие человеческого капитала и создание инклюзивной социальной среды.

Элементами, переводящими умный город в разряд города справедливого, выступают социальная мобильность, сплоченность и плюрализм *(рис. 2)*.

Какими же принципами должна руководствоваться социальная политика городского развития? Прежде всего, на совместных мероприятиях государственного, частного секторов и общественности (некоммерческих организаций), а также участии в процессе принятия решений таких особых заинтересованных групп, как женщины, коренные народы, пожилые люди и инвалиды.

Муниципальным органам управления, учитывая бюджетные возможности и результаты опросов населения, необходимо определить приоритетность решения проблем городов: социальных (содействие развитию человеческого капитала; обеспечение надлежащим жильем, услугами здравоохранения и образования); экономических

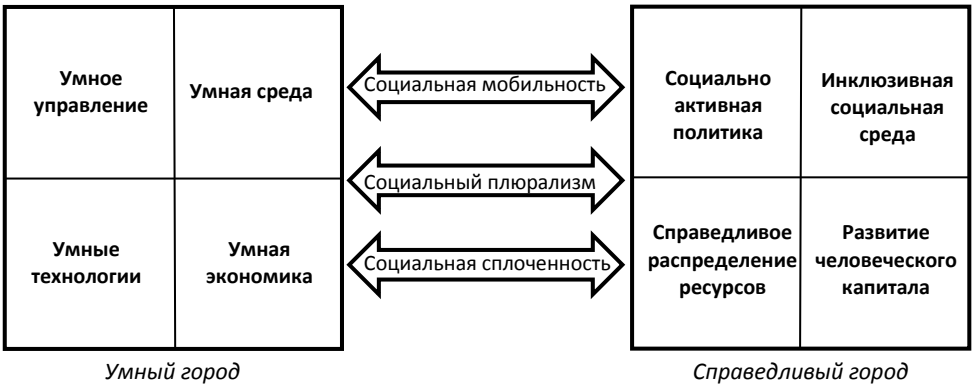

Рисунок 2. Город умный и город справедливый: компоненты и взаимосвязь
Источник: авторская разработка.

(создание новых рабочих мест с высокой оплатой труда); технологических (создание надежной транспортной системы; совершенствование коммунальной инфраструктуры: газо-, электро-, водоснабжения, канализации, обработки и удаления твердых отходов); управленческих. Кроме того, следует контролировать воздействие технологических изменений на группы населения с низкими доходами, включающие пенсионеров, инвалидов, неквалифицированных работников, многодетные семьи, неполные семьи.

Принимаемые решения, сколь эффективными бы они ни представлялись, не должны быть узконаправленными. Ориентация на улучшение жизненных и бытовых условий лишь одной группы населения отвлекает средства от не менее насущных проблем других групп населения и потому представляется несправедливой.

Кроме того, оценка ожидаемых результатов внедрения той или иной инициативы должна быть социально стратифицированной, т.е. учитывать предполагаемые изменения не усреднённо, а по основным социально-экономическим категориям, классам, имущественным, гендерным и этнокультурным группам. Как указывают относящиеся к школе критических урбанистических исследований ученые, справедливый подход к программам городского развития предполагает ответ на вопрос о том, насколько широко будут распространены выгоды от внедрения этих программ, улучшат ли они положение малоимущих и ограниченных в своих возможностях групп населения – или же будут направлены исключительно на расширение удобств городских элит и утверждение потребительского отношения к городу как совокупности меновых стоимостей [21; 30; 34] *(Brenner, Marcuse, Mayer, 2012; Lake, 2016; Myeong, Jung, Lee, 2018)*.

Проблемы больших и малых, столичных и периферийных, обеспеченных и малообеспеченных городов различны. Соответственно, различными должны быть и подходы государственных и муниципальных планирующих организаций к разработке

и внедрению смарт-инициатив. Недифференцированный подход может обернуться неэффективными затратами бюджетных средств, затормозить развитие, а в худшем случае и усугубить социальное расслоение общества.

Заключение

Корпоративная колонизация идеи умного города – явление повсеместное. Гражданское общество ведет в лучшем случае арьергардные бои за право участия самих горожан в планах городского развития. Концептуальный посыл проектов умного города (в том, что автоматизация и цифровизация улучшат качество жизни и качество городской среды) уводит нас в сторону от нерешенных и более насущных задач по устойчивому развитию российских городов – обеспечение доступного жилья, создание новых рабочих мест и рост доходов населения, модернизация коммунального хозяйства. Массовое внедрение цифровых технологий во всех населенных пунктах численностью свыше 100 тыс. человек рискует обернуться дорогостоящей технократической утопией.

Проекты умного города, развертываемые без должного учета интересов самих горожан, «сверху вниз», без подключения социального и человеческого капитала на местах, успешными быть не могут. Тем более необходимо целенаправленное вовлечение различных социальных групп городских жителей в обсуждение и планирование смарт-инициатив. В этой связи особую значимость приобретает разработка модели «справедливого города», основополагающим принципом которого является принцип равноправия. Равноправие предполагает проведение публичной политики по сокращению неравенства возможностей. Принимаемые стратегии и программы развития не должны доставлять диспропорциональные преимущества и без того привилегированным классам.

ИСТОЧНИКИ:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ: в редакции Федерального закона от 22 октября 2014 года. Консультатнт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/gskrf.
2. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. – 2017. – № 3. – с. 58-71.
3. Макаров В.В., Мохов А.С. Создание системы «умный город» как пример качественно нового уровня технологических возможностей и повышения конкурентоспособности // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 2(62). – с. 170-172.
4. В России появился стандарт «Умного города». Минстрой России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minstroyrf.ru/press/v-rossii-poyavilsya-standart-umnogo-goroda.
5. Намиот Д.Е., Шнепс-Шнеппе М.А. Об отечественных стандартах для Умного Города // International Journal of Open Information Technologies. – 2016. – № 7. – с. 32-37.

6. Шелехов А.М. Основные положения стратегии устойчивого развития России. Sbras.nsc.ru. [Электронный ресурс]. URL: http://www-sbras.nsc.ru/win/sbras/bef/strat.html (дата обращения: 07.08.2019).
7. Показатели «умных» устойчивых городов, разработанные ЕЭК ООН–МСЭ. Экономический и социальный Совет ООН. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/hlm/documents/2015/ECE_HBP_2015_4.ru.pdf (дата обращения: 27.09.2019).
8. Применение международных стандартов МСЭ к умным устойчивым городам:. Mos.ru/. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/upload/newsfeed/newsfeed/IssledovanieMSE(kratkayaversiya)rys.pdf (дата обращения: 18.09.2019).
9. Сахаров А.Г., Колмар О.И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, НОВАЯ ЭКОНОМИКА. – 2019. – № 1. – с. 189-206. – doi: 10.17323/1996-7845-2019-01-11.
10. Соколова С.А., Борисова К.В. Проблемы жилищно-коммунального хозяйства как индикатор состояния общества // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 11-4. – с. 870-874.
11. Текущее развитие проектов в сфере цифровой экономики в регионах России. Аналитический доклад. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/23243.pdf (дата обращения: 27.09.2019).
12. Технологии для умных городов: Доклад. Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад». [Электронный ресурс]. URL: http://www.csr-nw.ru/files/publications/doklad_tehnologii_dlya_umnyh_gorodov.pdf (дата обращения: 10.08.2019).
13. Тютин Д.В. Эволюция нового государственного управления: логика эффективности, результативности и менеджмента публичных ценностей // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 5. – с. 179-181.
14. Умные города: ООН поставила Москву на первое место в мире по оказанию госуслуг. Smartcity.cnews.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://smartcity.cnews.ru/news/top/2018-07-24_moskva_stala_liderom_rejtinga_oon_po_okazaniyu.
15. База данных показателей муниципальных образований. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 07.06.2019).
16. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2019 году. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_102/Main.htm.
17. Цифровая экономика Российской Федерации. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/anketa1-4; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html.

18. Цели устойчивого развития ООН и Россия. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Аналитический центр при Правительстве РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/11138.pdf.
19. Blom R., Melin H., Pyöriä P. Social contradictions in informational capitalism: the case of Finnish wage earners and their labor market situation // Information Society. – 2002. – № 5. – p. 333-343.
20. Bosch P., et al. CITYkeys Indicators for Smart City Projects and Smart Cities. CITYkeys. Co-funded by the European Commission. [Электронный ресурс]. URL: http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/CITYkeysD14IndicatorsforsmartcityprojectsandsmartcitiesV2.pdf (дата обращения: 24.09.2019).
21. Brenner N., Marcuse P., Mayer M. (eds.) Cities for People, Not for Profit: Critical Urban Theory and the Right to the City. - New York: Routledge, 2012. – 296 p.
22. Cardullo P., Kitchin R., Di Feliciantonio C. Living Labs and Vacancy in the Neoliberal City // Cities. – 2018. – № 73. – p. 44-50.
23. Carlson E., Goss J. The state of the urban/rural digital divide. National Telecommunications and Information Administration. United States Department of Commerce. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ntia.doc.gov/blog/2016/state-urbanrural-digital-divide (дата обращения: 12.07.2019).
24. De Santis R., Fasano A., Mignolli N., Villa A. Smart City: Fact and Fiction. MPRA Paper. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mpra.ub.uni-muenchen.de/54536 (дата обращения: 15.08.2019).
25. Fainstein S.S. The Just City. Ithaca,. - Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010.
26. Fainstein S.S. Cities and Diversity: Should We Want It? Can We Plan For It? // Urban Affairs Review. – 2005. – № 1. – p. 3-19. – doi: 10.1177/1078087405278968.
27. Hall T., Hubbard P. The Entrepreneurial City: Geographies of Politics, Regime, and Representation. - Chichester: John Wiley, 1998.
28. Harvey D. Social Justice and the City. Rev. ed. Athens, GA: The University of Georgia Press. - 2009
29. Hollands R.G. Critical interventions into the corporate smart city // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2015. – № 1. – p. 61-77. – doi: 10.1093/cjres/rsu011.
30. Lake R.W. Justice as Subject and Object of Planning // International Journal of Urban and Regional Research. – 2016. – № 6. – p. 1206-1221.
31. Lane J.-E. New Public Management: An Introduction. - London: Routledge, 2000.
32. Mapping Smart Cities in the EU. European Union. [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/507480/IPOL-ITRE_ET(2014)507480_EN.pdf (дата обращения: 12.07.2019).
33. Технологии умных городов: что влияет на выбор горожан?. McKinsey. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/media/McKinsey/Industries/Public Sector/Our Insights/Smart city solutions-What-drives-citizen-adoption-around-the-globe-RU.ashx (дата обращения: 15.08.2019).

34. Myeong S., Jung Y., Lee E. A Study on Determinant Factors in Smart City Development: An Analytic Hierarchy Process Analysis // Sustainability. – 2018. – № 8. – p. 2606. – doi: 10.3390/su10082606.
35. Parayil G. The digital divide and increasing returns: Contradictions of informational capitalism // Information Society. – 2005. – № 1. – p. 41-51.
36. Smart City Index. Imd.org. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imd.org/smart-city-observatory/smart-city-index (дата обращения: 14.09.2019).
37. Yoshikawa Y., Sato A., Hirasawa Sh., Takahashi M., Yamamoto M. Hitachi's Vision of the Smart City // Hitachi Review. – 2012. – № 3. – p. 111-118.
38. Young I.M. Justice and the Politics of Difference. - Princeton: Princeton University Press, 2011.
39. Zhao Y. After mobile phones, what? Re-embedding the social in China's "digital revolution" // International Journal of Communication. – 2007. – № 1. – p. 29.

REFERENCES:

Blom R., Melin H., Pyöriä P. (2002). *Social contradictions in informational capitalism: the case of Finnish wage earners and their labor market situation Information Society. 18* (5). 333-343.

Bosch P., et al. CITYkeys Indicators for Smart City Projects and Smart Cities. CITYkeysCo-funded by the European Commission. Retrieved September 24, 2019, from http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/CITYkeysD14IndicatorsforsmartcityprojectsandsmartcitiesFINAL.pdf

Brenner N., Marcuse P., Mayer M. (eds.) (2012). *Cities for People, Not for Profit: Critical Urban Theory and the Right to the City* New York: Routledge.

Cardullo P., Kitchin R., Di Feliciantonio C. (2018). *Living Labs and Vacancy in the Neoliberal City Cities*. (73). 44-50.

Carlson E., Goss J. The state of the urban/rural digital divide. National Telecommunications and Information AdministrationUnited States Department of Commerce. Retrieved July 12, 2019, from http://www.ntia.doc.gov/blog/2016/state-urbanrural-digital-divide

De Santis R., Fasano A., Mignolli N., Villa A. Smart City: Fact and FictionMPRA Paper. Retrieved August 15, 2019, from http://www.mpra.ub.uni-muenchen.de/54536

Fainstein S.S. (2005). *Cities and Diversity: Should We Want It? Can We Plan For It? Urban Affairs Review. 41* (1). 3-19. doi: 10.1177/1078087405278968.

Fainstein S.S. (2010). *The Just City. Ithaca,* Ithaca, NY: Cornell University Press.

Grigorev L.M., Pavlyushina V.A. (2017). *Sotsialnoe neravenstvo kak problema ekonomicheskoy strategii Rossii* [Social Inequality as a Problem of Russian Economic Strategy]. *The world of new economy*. (3). 58-71. (in Russian).

Hall T., Hubbard P. (1998). *The Entrepreneurial City: Geographies of Politics, Regime, and Representation* Chichester: John Wiley.

Hollands R.G. (2015). *Critical interventions into the corporate smart city Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 8* (1). 61-77. doi: 10.1093/cjres/rsu011.

Lake R.W. (2016). *Justice as Subject and Object of Planning International Journal of Urban and Regional Research. 40* (6). 1206-1221.

Lane J.-E. (2000). *New Public Management: An Introduction* London: Routledge.

Makarov V.V., Mokhov A.S. (2017). *Sozdanie sistemy «umnyy gorod» kak primer kachestvenno novogo urovnya tekhnologicheskikh vozmozhnostey i povysheniya konkurentosposobnosti* [Creation of the "smart city" system as an example of a qualitatively new technologic opportunities and increase of competitiveness (Russia, St. Petersburg)]. *Problems of modern economics*. (2(62)). 170-172. (in Russian).

Mapping Smart Cities in the EUEuropean Union. Retrieved July 12, 2019, from http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/507480/IPOL-ITRE_ET(2014)507480_EN.pdf

Myeong S., Jung Y., Lee E. (2018). *A Study on Determinant Factors in Smart City Development: An Analytic Hierarchy Process Analysis Sustainability. 10* (8). 2606. doi: 10.3390/su10082606.

Namiot D.E., Shneps-Shneppe M.A. (2016). *Ob otechestvennyh standartakh dlya Umnogo Goroda* [On the domestic standards for Smart Cities]. *International Journal of Open Information Technologies. 4* (7). 32-37. (in Russian).

Parayil G. (2005). *The digital divide and increasing returns: Contradictions of informational capitalism Information Society. 21* (1). 41-51.

Sakharov A.G., Kolmar O.I. (2019). *Perspektivy realizatsii Tseley ustoychivogo razvitiya OON v Rossii* [Prospects of Implementation of the UN SDG in Russia]. *International organisations research journal. 14* (1). 189-206. (in Russian). doi: 10.17323/1996-7845-2019-01-11.

Smart City IndexImd.org. Retrieved September 14, 2019, from https://www.imd.org/smart-city-observatory/smart-city-index

Sokolova S.A., Borisova K.V. (2016). *Problemy zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva kak indikator sostoyaniya obshchestva* [Problems of housing and communal services as an indicator of the state of society]. *Fundamental research*. (11-4). 870-874. (in Russian).

Tyutin D.V. (2014). *Evolyutsiya novogo gosudarstvennogo upravleniya: logika effektivnosti, rezultativnosti i menedzhmenta publichnyh tsennostey* [Evolution of new public management: logic of efficiency, productivity and management of public values]. *Theory and practice of social development*. (5). 179-181. (in Russian).

Yoshikawa Y., Sato A., Hirasawa Sh., Takahashi M., Yamamoto M. (2012). *Hitachi's Vision of the Smart City Hitachi Review. 61* (3). 111-118.

Young I.M. (2011). *Justice and the Politics of Difference* Princeton: Princeton University Press.

Zhao Y. (2007). *After mobile phones, what? Re-embedding the social in China's "digital revolution" International Journal of Communication. 1* (1). 29.